

Мариа Армлин

До того, как мы
станем лепестками роз

Мариа Армлиин

**До того, как мы
станем лепестками роз**

«Автор»

2026

Армлин М.

До того, как мы станем лепестками роз / М. Армлин — «Автор»,
2026

Он ищет правду о своём прошлом. Она — пытается забыть своё. Вместе они пытаются найти ответы в тенях прошлого своих семей, не подозревая, что их собственная история уже написана кем-то свыше. А их встреча вовсе не случайность, а спланированный ход. Сможет ли любовь исцелить раны, ставшие тайной тридцатилетней давности? Пронзительный роман о прощении, корнях и розах, которые цветут вопреки всему.

© Армлин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Мариа Армлин

До того, как мы станем лепестками роз

Глава 1

*«Сколько роз невозвратных, развеянных чар,
Дни иссохли, как травы отцветшего мая,
Только где-то в конце ждущ обещанный дар, —
Знаю: мне улыбнешься, моя Навзикая!..»*

Ежише Чаренц

Пролог

С самого рождения мы сталкиваемся на нашем жизненном пути с миллионами разных душ. Одни из них навсегда остаются неизведанными прохожими, на историю которых мы никогда не сможем взглянуть, а другие – ярким маяком, мимо которого не в силах будем пройти, не заглянув вглубь сердца. Кто-то называет такие удивительные встречи судьбой, кто-то предначертанием, а кто-то случайностью... Не имеет значение как мы это назовем, ведь у каждого из нас свое понимание мира, однако палитра чувств у нас у всех одинакова. И самая яркая из них называется Любовь.

Как много красок заключено в этом коротком слове! Для одних любовь — это стремительный полет необузданной страсти, для других — вечно цветущий сад, где порхают миллионы разнообразных бабочек. Кому-то она дарит тихую гавань, наполненную уютом и покоем, а кого-то бросает в самую гущу урагана интриг и испытаний. Для одних — это свет, согревающий самые потаенные уголки влюбленной души, а для других — изощренный инструмент боли, сжимающий душу ледяными оковами. Кто-то легко ее упускает, а кто-то навечно держит ее в своем плену. Кто-то мечтает о встрече с ней всю жизнь, но так и не находит, а кто-то с головой окунается в ее щедрые воды, но не осознает ценности и теряет. Для одного она подарок судьбы, а для другого — смертная пытка.

Любовь может быть невероятно созидающей и неумолимо разрушительной, чудесно исцеляющей и отвратительно беспощадной. Кому-то она дается легко, словно глоток свежего воздуха, а кого-то проводит сквозь лабиринты неудачных выборов, надеясь однажды вознаградить за страдания своими щедрыми дарами. Иногда она приходит внезапно, стремительно, сметая все на своем пути, а иногда затаивается в ожидании, пробуждаясь тогда, когда надежда уже давно потухла.

Но если подумать, может ли любовь быть столь многоликой? Может ли столь светлое, возвышенное чувство приносить боль, разочарование и опустошенность? Или, быть может, мы просто ошибаемся, путая столь красивое понятие с банальной ревностью, зависимостью и страхом одиночества? А может мысль об истинной любви так желанна человеческому сердцу, что порой мы сами неосознанно навешиваем эту прекрасную мечту на людей, с которыми нас связывает лишь иллюзия?

Безусловно, ответы на эти вопросы будут совершенно уникальными и контрастными для разных людей. Но одно не подлежит сомнению: когда настоящая любовь однажды постучится в нашу дверь, мы узнаем ее безошибочно. Она придет без масок, без фальши и без предательства. Та самая любовь, о которой слагают стихи поэты, создают мелодии композиторы, исполняют песни музыканты и пишут книги романисты. Та, что зарождается крошечной искрой, а к концу жизни превращается в бушующее пламя, согревающее каждую частицу влюбленной

души. Такая любовь находит тех избранных, кто отчаянно умеет ждать, с радостью готов впустить и трепетно будет ее оберегать.

Любовь всегда мчится к нам сквозь года, потери и страдания. Она не прекращает искать к нам дорогу, насколько тернистым не казался бы путь. Она не теряет надежды оказаться у нашего порога, даже если мы сами потеряли веру в ее существование. И все, что ей нужно, — чтобы мы просто открыли перед ней свою дверь, отбросив все страхи. Ведь настанет день, когда от нашей любви и нас самих останутся лишь «лепестки роз»...

Артур

Сэмюэль

Стоя у панорамных окон уютного семейного коттеджа, я наблюдал, как на мир неторопливо опускался рассвет. В наш дом он всегда приходил медленно, будто знал: в этих стенах живут настоящие ценители красоты, готовые каждый раз наслаждаться его новым представлением. Постепенно он выпускал на сцену своих первых актёров — обжигающе тёплые лучи, вырывающиеся из объятий тёмной ночи для пробуждения мира. Они мягко скользили по серебристым ветвям величественных деревьев, ложились на идеально подстриженный газон и задерживались на прекрасных алых розах, всё ещё погружённых в сон. Тех самых, что отец посадил два года назад для матери.

Почему его душа вдруг потянулась именно к этим цветам, я так и не понял. И, вероятно, уже никогда не пойму. Да и теперь это не имело значения — ведь у меня больше не было возможности задать ему даже такой, казалось бы, незначительный вопрос. В этом и заключалась подлинная горечь утраты: в осознании, что самые важные ответы прячутся в мелочах, которые навсегда остаются без объяснений.

Тупая, рвущая на мелкие части боль одиночества застряла в горле, словно косточка, которую невозможно ни проглотить, ни вытащить. Безмолвное отчаяние туго обволакивало тело, не давая вдохнуть полной грудью, а горькие слёзы обиды и недосказанности так и не находили выхода. В затуманенном сознании снова и снова звучал последний разговор с отцом — как заевшая плёнка, упрямо останавливающаяся на одном и том же кадре. На том самом мгновении, когда привычная реальность дала трещину и вдруг стала невыносимо сложной и необъяснимо загадочной. Перемотка. Снова тот же кадр. Прошло больше трех месяцев с его ухода, а этот фрагмент по-прежнему не давал мне покоя.

— Тоже не спится, родной? — донёсся до меня знакомый, тёплый голосок, обволакивающий все струны моей беспокойной души.

Я резко обернулся и увидел ее. Прекрасную женщину с густой черной косой с выбивающимися серебряными прядями. Её большие голубые глаза были устремлены на меня, словно в этом мире не существовало больше ничего и никого. Она подходила медленно, будто боясь нарушить тишину, в которую я был погружен.

— Да... слишком соскучился по этому виду, — ответил я, сдерживая бурю внутри и не зная, с чего начать тот самый разговор, который терзал меня всё это время.

Она встала рядом, мягко обняла меня за плечи, и мы замерли перед игрой рассвета — будто опасались, что одно лишнее движение способно было расплескать хрупкое равновесие и ту любовь, что наполняли этот миг. И всё же... Разве мог существовать более подходящий момент для разговора, от которого я так долго бежал? И осмелился ли я, если бы не тот звонок от главного редактора HeartMatters, предлагающего командировку в Армению? Наверное, нет, но сама судьба подталкивала меня поговорить с матерью. Казалось бы — идеальное утро для разговора по душам. Однако страх ранить её своим допросом сковывал меня. Правда, которую она носила в себе столько лет, могла оказаться слишком тяжёлой, чтобы прожить её ещё раз. Но с другой стороны, я прошёл слишком долгий путь, чтобы отступать в последний момент. Я пообещал себе, что скажу. Ради отца. Ради себя.

— Мам... если быть откровенным, я приехал сюда, чтобы поговорить с тобой об отце, — начал я, не отрывая взгляда от горизонта, заливающегося перламутровым светом.

— Я тоже скучаю по моему Оскару, сынок... — прошептала она, сжимая меня в объятиях сильнее.

— Я хотел бы поговорить... о своём биологическом отце, — произнёс я хрипло, словно срывая с раны пластырь. Я ясно понимал: промедление только подточит мою решимость.

После этих слов она резко отстранилась, будто обожжённая, и отошла в сторону, стараясь избегать моего взгляда. Мама несколько раз обошла всю комнату, словно потеряла опору, не зная, где укрыться от собственных воспоминаний. Моё присутствие ещё больше накалило обстановку, словно она боялась, что я способен прочесть мысли, которые она сама безуспешно пыталась от себя отогнать. И хоть я испытывал жуткие угрызения совести, всё же решил позволить ей побыть в этом состоянии без моего утешения. Да и есть ли смысл в утешении, когда удар был нанесен?

После долгой, тяжёлой паузы она заговорила взволнованным голосом. Я чувствовал, какие усилия она прикладывает, чтобы не зарыдать.

— Кто тебе рассказал о нём?

— Отец... в нашу последнюю встречу. Он знал, что ему осталось недолго. Сказал, что я должен знать. Он считал, что правда принадлежит мне, — проговорил я, наблюдая, как на её лице поступала смесь боли и растерянности.

— Что именно он тебе сказал? — мама спросила так, словно отец, которому она доверила свой единственный секрет, предал ее.

— Все было до банального просто, как в дешёвом ванильном фильме: усадил меня в свое любимое кресло, посмотрел в глаза, сказал, что любит... что счастлив был быть моим отцом. Но правды не намерен более скрывать. Он не был мне отцом — по крайней мере, не по крови. А всё остальное, — я сделал паузу, — всё остальное, мама, можешь рассказать только ты. Ведь это твоя история.

— Сэм... я не знаю, с чего начать. Ты застал меня врасплох.

— Мама, скажи мне только одно: ты любила его? Моего биологического отца? — вырвалось у меня. Признаться, этот вопрос я боялся задавать больше всего. Мне хотелось верить, что я — плод любви, а не ошибки или случайности. Я держался за эту мысль. Но что, если для неё я был лишь бременем? Или еще хуже: он был ужасным человеком, который заставил ее страдать... Это версия казалось мне более правдоподобной, иначе зачем нужно было утаивать истину моего происхождения.

— Между мной и твоим отцом была настоящая любовь. Та, о которой мечтают многие, но мало кому удаётся её удержать, а уж тем более встретить. В нашем случае всё сложилось трагично. Мы потеряли друг друга. Это было ужасно больно, — она сделала паузу, пытаясь переосмыслить сказанное, и продолжила, — и всё же я никогда не жалела о встрече с ним. А позже судьба подарила мне ещё одну встречу — с человеком, который искренне полюбил и меня, и тебя. Моего дорогого Оскара, которого мы с тобой полюбили в ответ.

Её голос дрогнул, слова рассыпались, уступая место слезам. Я понял: на этом наш разговор окончен. Спустя столько лет эта рана оставалась свежей. Она просто научилась прятать её от посторонних глаз. И я не имел права настаивать на том, чтобы мама безропотно подчинилась моему любопытству.

— Прости, что расстроил тебя, мама... — прошептал я. — Я не буду сейчас расспрашивать о нём. Просто хочу, чтобы ты знала: мне предложили командировку в Армению, и я согласился. Папа успел рассказать, откуда вы с биологическим отцом родом. Возможно, мне удастся попасть и туда. Отец знал, что я не найду своего биологического папу в живых... Но мне всё равно важно попробовать узнать о нём хоть что-то. Если ты позволишь...

— Если тебе это действительно нужно, — только и сказала она, вытирая горькие слёзы. Затем резко встала и вышла из комнаты.

Вернулась она с сумкой, рука тревожно искала что-то ценное. Нашупав кошелек, она одним ловким движением открыла его и достала маленькую потрепанную фотографию, сделанную на «Polaroid». Мама протянула снимок мне и, погружённая в свои мысли, молча пошла заваривать кофе.

На обратной стороне фотографии стояла дата 6 декабря 1988г., Агарцин. На ней были изображены четверо: две юные девушки в элегантных пальто, из-под которых кокетливо выглядывали белоснежные платица, и двое юношей в белых рубашках и клетчатых пиджаках, явно больших по размеру. Они крепко сжимали в руках букеты алых роз. На вид им всем было по восемнадцать лет. Они стояли плечом к плечу, счастливые и беззаботные, а их глаза светились предвкушением долгой и радостной жизни. За их спинами возвышались величественные горы, укутанные в золото и багрянец осени. Одной из этих девочек была мама. Я сразу узнал её, но, не считая возраста, казалось, это был совершенно другой человек. В её глазах горели искры, она вся светилась изнутри, отчего казалась ещё красивее. Неужели мама когда-то была такой беззаботной? Эта мысль казалась абсурдной. Я никогда не видел её такой. А рядом с ней стоял высокий, худощавый парень, который нежно склонил голову в её сторону, закрыв глаза в мечтательной улыбке. Я сразу понял: это и есть мой отец. Это было понятно с первого взгляда. Те же кудрявые волосы, та же улыбка, та же ямочка на щеках... Видимо, поэтому маме так нравилось, когда я улыбался.

«Улыбайся чаще, радость моя. Тебе так идет быть счастливым,» — говорила мне она.

Мама видела во мне его. И сейчас, разглядывая снимок, я будто смотрел на свою собственную фотографию из забытого школьного альбома.

Это было сложное утро, наполненное болью и недосказанностью, терпким ароматом черного кофе и отголосками прошлого. Но именно оно подарило мне хрупкую надежду — на прощение, на понимание, на освобождение от мучительных вопросов. Больше не было тайн между нами. И, я верил, что по возвращению из Армении, мы с мамой смогли бы сидеть рядом у этих же окон — и продолжить наш неоконченный разговор уже без страха. А пока мы сидели друг напротив друга в звенящей тишине, из-за чего мир внутри меня бушевал, обостряя восприятия этого мгновения. Я слышал, как за окном уверенно разучивают новую мелодию птицы, видел, как солнечные блики, словно играя в прятки, скользят по полированной поверхности стола, отражаясь в кофейных чашках, вдыхал густой аромат свежесваренного кофе, смешанный с едва уловимым запахом цветочных духов мамы, и ощущал в руках ее теплую руку, сжимающую так крепко, словно она пыталась заглушить свою и мою боль. Она не проронила ни слова, лишь смотрела на меня извиняющимся, полным раскаяния взглядом, в котором читалось: *«Прости меня, сынок»*.

Мелисса

Зеркало в дамской комнате горячо любимого издательства HeartMatters было безупречно чистым — слишком честным, чтобы быть просто предметом интерьера. Оно не оставляло шансов спрятаться, смягчить углы или соврать самой себе. Для меня оно давно перестало быть просто отражающей поверхностью — скорее контрольной точкой, где я фиксировала собственные падения и редкие, выстраданные подъемы.

Сегодня я видела в нём только усталого человека, который разочаровался в любви и в людях. Но на этот раз мой спасательный круг на том краю улицы в виде моего жениха потонул, а разбушевавшиеся волны, почуяв свою вседозволенность и мою покорность, с новой силой наносили опустошающий удар, затягивая все сильнее и глубже в вихрь отчаяния, одиночества и тревог... Осознание этой необратимой утраты любимого человека, сворачивало чувственную, всеми покинутую, душу изнутри, оставляя один на один со своими проблемами в неравной битве за счастье...

Пытаясь разглядеть в отражении ярко искрящихся синих глаз силу, способную вытянуть мое сердце из зажатого до крови капкана любви, я с горечью отмечала, что ей было не справиться с такой сложной задачей. Это было последней каплей в моем океане оптимизма, высосанной жадной ненасытной коварной судьбой, ломающей все барьеры и рвы на пути к своей жестокой цели... Сломить меня.

Я всматривалась в свое отражение, а точнее в «остаток» вчерашнего человека, совсем не настроенного на бесцеремонно врывающийся, полный энтузиазма и новых знакомств, день. Бледное лицо, напоминавшее огромное полотно художника, кричащими штрихами отразившего последствия вчерашних переживаний: черная потекшая тушь на пол лица, отлично оттеняла ярко светящиеся голубые глаза, в которых до сих пор бушевали ураганы, угрожающе выражая боль с примесью злости и желания возмездия; роскошная помада от Dior, выигрышно смотревшаяся в любой ситуации, как мне казалось до этого момента, напоминала дешевую красную дорожку, которую второпях постелили от одного края уха до другого, пытаясь скрыть в своей тени искривленные от обид губы; аккуратно уложенные вчера в высокий хвост густые черные волосы, разлетелись в пух и прах, переживая опустошительное нашествие вражеской любви и дружбы, спустились словно потрепанный белый флаг, воспринятый врагом как признак слабости и наивности; а любимое голубое воздушное платье, в котором каждая почувствовала бы себя королевой, стало похоже на маскарадный костюм умершей невесты из культового мультфильма «Труп невесты» на Хеллоуин.

Смывая страдальческий макияж прохладной водой, ломающей непокорные лабиринты разума, и отрезвляющей истинное я, даю себе обещание, что больше не попадусь в ловушки, расставленные фальшивой любовью. Моя впечатлительная и романтическая натура, в поисках красивой и чистой любви, способна была приписать возвышенные качества существам, не обладающим и минимальным «набором» порядочного мужчины. Мой надежный залатанный после шторма корабль, устремившийся в мир истинной радости и волшебных грез, тонул каждый раз на пол пути, выбирая не тех пассажиров, с легкостью и пренебрежением крушивших все щедро предоставленные им мною блага. Пришло время отправиться в кругосветное путешествие под названием «Отпуск» для уединения и налаживания контакта с самой собой, чтобы исследовать глубины и потаенные желание неутомимой души...

В попытке привести свой внешний облик в нормальное человеческое состояние, я быстро намылила лицо дешевым мылом, с ярко выраженным запахом персика, смывая слой за слоем разочарование и обиду, пускающие извилистые длинные корни в самую глубь души, затем достаю быстрым взмахом руки косметичку и приступаю к своему повседневному макияжу, скрывающему признаки бессонной ночи и отравляющей хандры: лёгкий тон, тонкие черные стрелки, немного персиковых румян и полупрозрачный блеск для губ. Быстро распустив и расчесав непослушные густые волосы, струящиеся легкой волной до поясицы, и сменив одежду на перво попавшуюся футболку и джинсы, чудом оказавшиеся в сумке, я выбегаю на встречу к новой жизни, в которой нет больше места для мужчин.

— Мел, милая, я думал, ты забыла о нашей встрече после вчерашней вечеринки. Было довольно весело, — прозвучал задорный голос главного редактора Ноэля Адамяна, — кстати, прости за нетактичность, это Сэмюэль Смит. Он теперь с нами. Лучший фотограф, который вдохнет новую жизнь в наш журнал.

За столом сидел высокий молодой человек лет тридцати, одетый довольно просто, но со вкусом: коричневые брюки, бежевая футболка, коричневый пиджак в бежевую клетку. Темные локоны игриво блестели на солнце, медовые большие глаза излучали тепло и спокойствие, ободряющая улыбка внушала доверие. Он выглядел весьма чувственным и открытым человеком, но в то же время сдержанным и серьезным. На миг мне показалось, что мы с ним уже виделись в этом кабинете, но это было невозможно. Смит был известной фигурой в мире искусства,

поэтому мой разум, вечно паривший в мире фантазий, мог выдумать нашу встречу. Вероятнее всего я видела его в какой-нибудь газетной колонке про успешных молодых талантов.

— Приятно познакомиться, мисс Миллер. Мне очень нравятся ваши статьи, в них всегда столько чувств и красок. Рад, что теперь буду работать в вашей команде, — с искренней открытостью произнес он, протягивая мне руку.

«Всё хорошо, — произнес голос внутри меня, словно опытный тренер, настраивающий спортсмена перед стартом. — Это всего лишь ещё один новый человек. Он не желает тебе зла. Просто скажи всё то, что мы репетировали целую неделю. Ты готова. Ты сможешь. Сделай глубокий вдох и просто будь собой.»

— Можно просто Мел. Я могу сказать тоже самое про ваши фотографии. Как вам удастся так точно передать красоту этого мира через объектив? Я всегда говорила Ноэлю, что именно ваши фотографии отлично бы дополнили мои статьи, — честно призналась я, присаживаясь за стол и принимая дружеское рукопожатие.

— Прекрасно, что вы так вдохновлены работами друг друга. Это намного облегчит мне дело, — начал издавна мистер Адамян, — уверен, вы не понимаете, зачем я вас двоих собрал. Так вот приступим к делу. Журналу требуется что-то новенькое, необычное и красочное. Наше издательство на протяжении многих лет пишет о любви, точнее всех проявлениях любви. Казалось бы, за столько лет было затронуто столько тем, что уже и писать не о чем. Признаюсь честно, я был одержим идеей создать что-то новое. Днями и ночами ломал голову, чтобы сделать что-то такое, что будет отличать нас от других. Немного поразмыслив, как бы соединить два таланта в моей команде, моя муза тут же дала ответ. Места любви. Что может быть трогательнее, чем места, свидетельствующие о зарождении истинной любви, — говорил он, с энтузиазмом рассматривая наши выражения лиц.

Внутри меня всё бушевало, как шторм в открытом море. Сердце стучало так, словно участвовало в гонке на скорость, пытаясь поставить очередной рекорд. Руки покрылись липким потом, словно предупреждая о надвигающейся опасности. Но внешне оставалась совершенно спокойной. Я годами тренировалась надевать маски, скрывая настоящие чувства. Даже мои покойные родители не знали, как я мучалась от социофобии. Никто не догадывался, что за улыбающимся дружелюбным лицом скрывается человек, страдающий от этого недуга. Всю свою осознанную жизнь я играла роль — экстраверта, уверенного в себе человека, у которого всё в порядке. Но внутри мой мозг кричал: «Беги! Беги!»

— В чем же заключается идея? Я не очень понимаю, — спросила я, осознавая, что оратор ждал именно этого вопроса.

— Это самое интересное. Вы вдвоем, отправитесь в кругосветное путешествие, и будете находить места любви, о которых вам расскажут местные. Мел все опишет, а Сэм — запечатлит. Вы представляете, как много сердец будут впечатлены? Мел, я помню про твой отпуск, но милая, чем это тебе не отпуск. Будешь путешествовать, знакомиться с новыми людьми, пробывать вкусные блюда, а сколько красоты увидишь! Кстати, можешь прихватить с собой и Джона, я не против, — умоляюще толкал он свою речь.

— Джона больше нет, — сухо отрезала я.

— Боже, милая, мне так жаль, — Ноэль быстро встал со своего места, и с удручающим полным сожаления лицом направился ко мне, — как это случилось? Боже, какой ужас!

— Прости, я не так изъяснилась, — ответила я, пытаюсь успокоить чувственного Ноэля, — мы просто расстались.

— Вот как, — будто обрадовавшись, произнес он, и направился на свое место, — так еще лучше. Точнее тебе так проще будет пережить расставание. Понимаешь? — Спросил он, но не дожидаясь ответа продолжил: — вообще, первый выпуск должен быть готов через месяца четыре. И поскольку это новый формат, я хочу, чтобы он начался там, откуда мы родом, это

наудачу. В солнечной Армении. Мел я знаю, что ты с родителями говорила на армянском, так что пора бы тебе попрактиковаться, да и познать свои корни.

— Я так понимаю, ты уже все решил за нас, — заразительно улыбаясь, спросил Сэмюэль.

— Признаться честно, да. Я создал электронную карту с пометкой мест, которые вы должны посетить. Отели в каждом городе уже забронированы. Человек, который должен вас сопровождать уже осведомлен о своих обязанностях. А в конце своего путешествия по Армении, вы заедете в дом моего дядюшки в Иджеване. Там так красиво! У него отдохнете пару деньков, пока будете собирать сделанный материал и вернетесь ко мне новыми людьми. Если вообще захотите возвращаться, — загадочно произнёс он.

— Так когда мы вылетаем? — спросила я, понимая, что только работа способна была исцелить меня от сердечных ран.

— Через шесть часов. Так что поторопитесь, не буду вас задерживать, — только и сказал он, улыбаясь словно Чеширский кот, довольный таким простым раскладом дел.

Артур

Только вообразите, сколько людей проходят через нашу жизнь. Поток лиц, голосов, случайных встреч — бесконечная галактика душ. И всё же по-настоящему знакомыми становятся немногие, а родными — и вовсе единицы. Именно вокруг этих редких, бесценных людей и выстраивается наша собственная Вселенная. Мы никогда не знаем, когда они войдут в нашу жизнь, но даже самые убеждённые скептики где-то глубоко внутри с нетерпением ждут этой встречи.

Порой самый обычный, ничем не примечательный день вдруг наполняется неожиданной гармонией и трепетом — стоит лишь одной такой душе ворваться в него, перевернув наше представление о будущем. У этого дня появляется особый аромат: сладкий, медовый, дурманящий холодный рассудок, ещё не вкусивший запретного плода любви.

Свой особенный день я пронес в сердце через всю жизнь — как напоминание о том, что у любви нет ни прошлого, ни будущего. Она живёт только в настоящем, в самом сердце, согревая воспоминаниями о том тепле, которое способна подарить родственная душа. Я бы предпочел назвать ее душой сердечной. Потому что именно там ей и было отведено место. Для неё одной я распахнул бескрайние поля своего сердца, позволив править им единолично до конца своих дней.

Воспоминания уносят меня в тёплый, залитый солнцем сентябрь — тот самый, когда ненавистный первый учебный день неожиданно превратился в волшебный праздник. Я помню всё до мелочей: маленькую школу на краю Кировакана, нарядных девочек и мальчиков в своих лучших нарядах, густой аромат огромных букетов, сорванных с домашних клумб, запах свежеевыкрашенных белых бордюров и зелёных парт. И себя — ещё совсем юного, хмурого, недовольного мыслью о том, что впереди меня ждало ещё пять долгих лет школьного заточения.

Но всё изменилось в тот миг, когда на пороге класса появилась она.

Хрупкая, утончённая девочка с длинными чёрными косами, перевязанными аккуратными бантами. Маленький нос с изящной горбинкой, тонкие, чётко очерченные губы. Чёрный сарафан, белоснежная рубашка, длинные чулки и лакированные туфли. Это то, что видели все. А я видел только её глаза. Голубые. Глубокие. Такие, в которых я потерялся с первого взгляда, забыв обо всём, что существовало до этого момента.

— Класс, познакомьтесь, — торжественно произнесла наша классная руководительница Жанна Григорьевна. — Это наша новая ученица. Роза. Проходи, деточка, и присядь, — добавила она, указывая на свободное место рядом со мной. Впервые в жизни я был рад, что Геворг — мой вечный сосед по парте и главный источник школьных шалостей — заболел и не пришёл в тот день.

Роза подошла быстрым шагом, мельком улыбнулась мне и села рядом. И весь оставшийся день я думал только об одном — как удивительно и приятно она пахнет.

«Настоящая Роза», — уверовал я.

Я впервые не хотел, чтобы уроки заканчивались. Но и понятия не имел, как заговорить с ней.

— Я Роза. А тебя как зовут? — вдруг произнесла она, словно прочитав мои мысли и решив спасти меня от немоты.

— Я... я... — имя вылетело из головы, будто его там никогда и не было. Я мог лишь смотреть на её лицо — спокойное, излучающее такое тепло, что весь остальной мир мерк на его фоне.

— Ты Артур, да? — улыбнулась она, обнажая ровные белые зубы и указывая тонкими пальцами на тетрадь с моим именем на обложке.

— Да... да, я Артур, — подтвердил я, чувствуя себя так, будто только что вспомнил, кто я есть.

— Ты не мог бы сегодня меня проводить? — продолжила она, спокойно выводя своё имя аккуратным почерком. — Мы переехали в дом напротив твоего. Я вчера тебя видела у ворот дома. Там много дворовых собак... я их боюсь.

«Разве этот день мог бы быть еще чудесней?» — только и думал я.

— Конечно, — выпалил я. — Я всех собак во дворе знаю. С одной даже дрался... — для подтверждения своих слов, я демонстративно показал ей руку. — Шрам до сих пор остался. Теперь они меня боятся, так что тебе со мной нечего бояться, — отважно произнес я свою героическую речь, надеясь впечатлить ее.

Шрам, разумеется, был вовсе не от драки с собакой, а от забора, в который я врезался на велосипеде, когда мы с Геворгом решили повторить трюк из индийского фильма. Но разве это имело значение, если она поверила? Ну или сделала вид, что поверила.

— Ну, раз так, тогда я спокойна, — сказала она, продолжая покорять меня своей улыбкой. И больше в тот день она не заговорила со мной.

Так наше неловкое, но многообещающее знакомство постепенно переросло в крепкую дружбу. Я познакомил ее с Геворгом и Сильвой из параллельного класса. Каждое утро мы шли вчетвером в школу, рассказывая друг другу о прошедшем вечере и о планах на новый день. А после уроков снова шли вчетвером домой, делясь мечтами и целями. Я обожал слушать ее тоненький голосок. Мне не важно было о чем она говорит, я готов был слушать ее вечно, даже если бы этот голос читал бы мне смертный приговор.

За пять лет мы с Розой стали неразлучны. Настолько, что Геворг и Сильва начали подшучивать над нами. Но мы словно играли в молчаливую игру — кто признается первым. И дело было не в страхе. Я был готов признаться ей с первого дня. Проблема была в её родителях.

Они одобряли лишь нашу дружбу, каждый раз подчёркивая, что Розу ждёт блестящее будущее — рядом с обеспеченным юношей из благородной семьи. И я был с ними солидарен. Она была дочерью ювелира, чья семья из поколения в поколение передавала свое мастерство, превратив маленькую лавку в успешный бизнес. Она жила в достатке и по праву была достойна большего.

А что мог дать ей я?

Кроме своего сердца — ничего.

Мой отец был честным и трудолюбивым человеком, зарабатывающим на жизнь тяжёлым трудом, разводя скот и продавая мясо. Но человеческие качества редко перевешивают звон монет в чужом кошельке. Особенно, когда речь заходила о выборе жениха. Родители Розы судили именно так. И я не спорил. Я считал себя недостойным и даже не пытался бороться. О моих чувствах знал лишь Геворг. Он не понимал моего смятения, считая, что у меня есть все шансы стать известным художником. Но Геворг был большим оптимистом, жизнь его всегда баловала, а удача была его вечной спутницей, поэтому он не мог понять того, кому все в жизни доставалось большим трудом.

Так бы всё и продолжалось... Если бы беда, случившаяся с нами, не стёрла все преграды, пытающиеся отнять то, что было мне дорого, оставив после себя лишь тени прошлого и мою любовь.

Глава 2

Сэмюэль

Дорога к неизвестным мне просторам и к прошлому, раскрывающему истоки моего бытия, оказалась изнурительной. Мой взгляд невольно скользил по иллюминатору самолёта, пропуская мельчайшие солнечные лучи сквозь тучные облака, будто ища ключ к разгадкам тех вопросов, что мучали мою душу. Рядом сидела Мелисса, вся поглощённая своими мыслями, слегка нахмурившись и пристально роясь в своей душе. Мне не хотелось вторгаться в мир её грёз без приглашения — ведь и мои собственные думы кружились в голове бесконечным хороводом, наполняя сердце тревожностью и неуверенностью. Мы оба чувствовали себя потерянными детьми, чья наивная мечта столкнулась с айсбергом жестокой реальности.

И всё же... несмотря на внутреннее смятение, я испытывал странное чувство покоя и тепла рядом с этой незнакомкой, сражающейся со своим внутренним конфликтом. Это означало, что её собственный внутренний хаос был столь велик, что она не стала бы пытаться наводить порядок в моём мире. Следовательно, неловкости за мое опустошенное состояние не было, как и желания и необходимости притворяться, что все со мной хорошо. Но полёт был долгим, и, в знак вежливости, нам обоим пришлось на время отложить свои размышления в сторону, словно поставив их на паузу.

— Никогда раньше не бывал в Армении, — произнёс я мягко, стараясь привлечь внимание Мелиссы, но не разрушить её хрупкое равновесие. — Мама родилась именно там...

— Мои родители тоже оттуда... — тихо произнесла Мел, словно пытаясь оторваться от собственных мыслей. — Я тоже ни разу там не была, да и они не делились со мной своим прошлым.

Похоже, она старалась поддержать диалог, однако мысленно оставалась далеко отсюда, привязанной невидимой нитью к собственным воспоминаниям и сомнениям. После её скудных фраз поток наших общих рассуждений иссяк, оставив меня вновь в одиночестве, где царили воспоминания об отце, оставившем внутри зияющую рану и тысячи вопросов.

Я не знал, что меня ожидало в другой стране, можно сказать чужой для меня. Ведь мама ничего не рассказывала о своем прошлом, а отца я не знал. Да и понятия не имел зачем мне это было надо. Ехать за тридевять земель, чтобы попытаться узнать что-то о человеке, который не участвовал в моей жизни. У меня был отец, настоящий, любящий, которого не стало три месяца назад. А я сидел в этом самолёте, и мчался навстречу к неизведанному с незнакомой мне женщиной, чтобы просто попытаться откопать правду, которая не имела никакого значения для моей жизни.

А может, я просто нуждался в переменах, о которых твердил психолог, так усердно восхваляемый Элизой? Я и без заумных терминов знал, что у меня кризис. Кризис среднего возраста. Звучит прискорбно. Словно полжизни уже прожито, всё, что можно было, ты уже сделал, а оставшиеся годы придётся волочить на себе то, что построил в том возрасте, когда это тебя меньше всего волновало.

— Мистер Смит, вам нужна смена обстановки. Так часто бывает у людей вашего возраста, не переживайте, — сказал мистер Умник, имя которого я даже не потрудился запомнить. Он натянул очки и смотрел на меня так, будто все мои тревоги — суший пустяк.

— Может, дело в том, что я два месяца назад узнал о существовании биологического отца, а ещё через месяц потерял отца, который меня воспитывал? — в гневе выпалил я, злясь на Элизу, которая то и дело таскалась по психологам, пытаясь выяснить, что не так с нашими отношениями. Чёрт возьми, что за мода — выяснять отношения не с человеком, с которым ты строишь жизнь, а с посторонним, который ничего о тебе не знает и лишь поддерживает нелепые

догадки второй половины? «Да, он подонок», «да, он тебя не ценит», «да, ты заслуживаешь лучшего»...

В последнее время мне казалось, что он не мирить нас пытался, а подыскать ей более выгодную партию. Хотя я был бы даже рад этому, ведь то, как поступил с ней я, действительно смахивало на поступок подлеца. Но как можно быть с человеком, который даже в самый трудный момент жизни пытался «поддержать» правильно, советуясь ежеминутно со своим штатом психологов, астрологов, нумерологов, наставников по счастливым отношениям и тарологов? В моем понимании, нет правильной или неправильной поддержки. Есть только её наличие или полное отсутствие.

— Вполне вероятно, что дело в этом. Но это не отменяет вашего кризиса. Он просто обострился в этот момент, - вставил с умным лицом психолог.

«Ага, это же просто как грипп», — подумал я тогда с горькой усмешкой. Но что-то схожее в этом было. Моя душа леденела изнутри, замораживая всё прекрасное, что когда-то любило эту жизнь. Это было похоже на болезнь, от которой никак не найти лекарство. Полная апатия и безразличие ко всему, что когда-то составляло важную большую часть моей жизни. Приходилось жить с этим, зная, что страдания, поселившиеся в голове, будут жить со мной вечно.

На этом наша нудная сессия окончилась и стала нелепым пятном в моей автобиографии. Больше моя нога не ступала ни в один кабинет тех, кто пытался ковыряться у меня в голове. Единственный, кому это было позволено, был я сам. И справлялся я с этим превосходно: с утра до самой ночи.

Что же творилось в моей голове? Сплошной хаос. Мне не нравилась моя работа, от которой я смертельно устал (видимо, поэтому я и согласился на предложение Ноэля, хотя финансово оно уступало другим). Мне не нравились отношения — хотя это уже было в прошлом. Мне не нравилась шумная жизнь в Нью-Йорке, где меня могли узнать на любом углу, хотя я никогда не стремился быть медийной персоной.

Мне всё не нравилось. Я не знал, кто я, зачем я здесь, в чем смысл моей жизни, и как мне теперь жить с этим. Я был ходячим рекламным роликом — мужчиной за тридцать, страдающим кризисом среднего возраста. Я представлял собой классический пример «до терапии», с его вечными сомнениями, неудовлетворённостью и растерянностью. Я изо всех сил стремился стать версией «после», но без помощи профессионалов. Я пытался самостоятельно найти ответы на вопросы, которые, казалось, не имели решений. Каждый день я просыпался с надеждой, что сегодня будет легче, но каждый вечер ложился спать с ощущением, что всё остаётся на своих местах.

И история об отце, которого я не знал, лишь добавила в этот пылающий котёл ещё больше драмы. Я чувствовал себя словно в золотой клетке: у меня было всё для счастья, но я был несчастен. Я сам запер себя в этом мире, который так усердно строил. Сейчас же мне хотелось снести всё до основания и возвести нечто новое. Но как это сделать — я не знал. Я даже не знал своего происхождения, своих корней, себя самого.

— Ты как всегда драматизируешь, — слышалось мне от Элизы каждый раз, когда я пытался раскрыть душу. Но что я мог возразить женщине, чья единственная сложность состояла в том, в чём пойти на очередную вечеринку?

Может, я и правда драматизировал. А возможно, я просто мечтал найти что-то новое — то, что перевернуло бы моё отношение к самому себе. Видимо, поэтому я так жаждал узнать отца. Его история могла приоткрыть ту версию меня самого, с которой так хотелось наконец познакомиться. Были моменты, когда я искренне завидовал неандертальцам. Их жизнь казалась мне такой простой и понятной. Основная их цель — поймать мамонта. Бежишь себе, охотишься, и тебя совершенно не волнует, кто ты и что у тебя в душе. Никакой рефлексии, никаких внутренних терзаний, никаких психологов. Просто действуй и выживай. В этом была какая-

то первобытная чистота, которой мне так не хватало в современном мире, полном вопросов и сомнений.

— Сэм? Ты тут? — прозвучал тонкий голосок Мел. — Мы долетели. Можно выходить.

Самолёт завершил свою миссию, пассажиры радостно аплодировали пилоту, отмечая конец путешествия и скорую встречу с любимыми. Меня охватило неприятное чувство нереальности происходящего. Лишь теперь, покидая воздушное судно, я осознал, что наше физическое перемещение закончено, но внутренняя поездка души только начиналась.

После паспортного контроля с удивительно приветливыми пограничниками в аэропорту Звартноц мы шагнули в объятия новому. Перед нами встала картина невероятной красоты, словно сам город готовился к нашему прилету с желанием впечатлить. Вечер окутал Ереван мягким сине-черным покрывалом, подчёркивая каждую деталь пейзажа. Над головой простиралось бескрайнее небо, усеянное яркими звёздами, казалось, что они висели прямо над головами, маня прикоснуться к ним рукой. Далеко в темноте выступали очертания горных вершин, таинственно выступающих над городом, охраняя его покой и спокойствие. Воздух наполнялся нежными ароматами сочных виноградных лоз, свежескошенных трав и скрытых среди ночи цветов, принесённых ночным ветром. Этот свежий, чистейший горный воздух ласково касался лица, словно радуясь возвращению в родные края своих потерянных детей.

Светящиеся разноцветные огоньки города создавали сказочную панораму, рисуя линии будущих приключений и открытий. В моменте показалось, будто я наблюдал за безупречной работой съёмочной группы, которая потратила много времени и сил, чтобы построить идеальные декорации к историческому фильму. Я заметил, как Мелисса, очарованная красотой вокруг, закинула голову назад, позволяя вечернему бризу свободно играть с её волосами, закрыв глаза и глубоко вдыхая прохладу. Она выглядела вдохновлённой и счастливой, забывшей на миг о своих внутренних противоречиях.

— Знаешь, мама часто повторяла во время путешествий, что истинная красота города становится понятна лишь посторонним глазам. Те, кто живёт в одном и том же месте годами, привыкает к окружающей красоте и перестает её замечать. А настоящие чудеса открываются лишь путникам, — отметил я, пытаясь быть вежливым собеседником.

Мелисса лишь улыбнулась, разглядывая город, и грусть вновь приняла её в свои объятия. С первой встречи в кабинете Ноэля меня преследовало странное, почти мистическое чувство, что я уже знал её. Это было нелепо, но я был абсолютно уверен в этом. Она казалась мне родным человеком, словно мы были знакомы тысячу лет назад. Может, это было потому, что она оказалась моей землячкой — кто знает? Но именно это странное ощущение родства заставило меня, несмотря на мою низкую эмпатию, захотеть её поддержать.

Если бы Элиза только знала, что я способен быть внимательным к другим, а не заикливаться исключительно на своей внутренней тревоге, она бы, наверное, сошла с ума. Хотя, в некотором смысле, мы с ней были похожи. Она жила в своём мире, я — в своём, и всех это вполне устраивало.

Я захотел утешить Мелиссу, но не знал ни причину её тревог, ни её саму, поэтому все, что было мне доступно — этот замечательный город в нашем распоряжении.

— Ты не против, если мы прогуляемся немного? — предложил я, деликатно протянув Мелиссе свою куртку, ибо холодный ночной ветер настойчиво пытался достучаться до наших замерзших душ.

— Ну, если тебя не смущает присутствие моей печальной персоны, — откликнулась она, приняв его лёгкой улыбкой и благодарным взглядом.

— Совсем наоборот, уверен, твое грустное альтер эго идеально дополнит мою, — пошутил я, радуясь, что Мелисса оценила мое желание хоть как-то ей помочь отвлечься от навязчивых мыслей.

Город быстро открыл нам свои дары, показывая знаменитые ереванские переулки, ярко сверкавшие разнообразием красок и ароматов. Маленькие сувенирные магазинчики выставляли витрины с коврами ручной работы, вышитыми салфетками и традиционными украшениями, источающими энергию Востока. Запахи свежих хлебобулочных изделий и карамельных десертов соблазняли пройти мимо каждой пекарни. Смесь кофейных нот и восточных пряностей клубилась в воздухе, проникая в наши сердца и рождая особое настроение праздника.

Армянская архитектура притягивала взор своей неповторимостью: красные кирпичики, розовые фасады, строгие орнаменты и яркие крыши выделяли каждое здание особым шармом. Центральная площадь Республики радовала необычным фонтаном, танцующим в такт классической музыке. Подсветка фонтанов окрасила ночь всеми цветами радуги, заставляя воду танцевать в причудливых ритмах. Музыка переплеталась с шумом городских звуков, создавая незабываемый музыкальный фон для прогулки, словно мы оказались героями, которых погружали в романтический фильм.

Наш путь привёл к знаменитой лестнице «Каскад», расположенной в самом центре Еревана. Эта необычная архитектурная композиция представляла собой лестницу-парк, соединённую мостиками и площадками с различными экспозициями современного искусства. Взираясь вверх, мы ощутили уникальную энергетику города, раскрытого взглядам снизу-вверх. На вершине каскада царствовала тишина, нарушаемая лишь редкими звуками ветра да музыкальным пением сверчков. Мир внизу казался таким маленьким и ярким, подобно мозаичной картине, собранной из тысяч кусочков света и теней. Оглядываясь кругом, мы понимали, что Ереван обладает особой магией, способной влюблять в себя каждого посетителя, умеющего видеть красоту в маленьких деталях.

Здесь не было привычных для нас небоскрёбов, этих строгих очертаний и лаконичных форм, словно Нью-Йорк был создан круглым отличником, который досконально продумал свой проект и получил за него твёрдую пятёрку с плюсом. Но в погоне за этой идеальностью он, казалось, забыл вложить самое главное — душу. Из-за этого город казался мне строгим учителем, который молча оценивает каждый твой шаг, каждый вздох, всегда ожидая от тебя чего-то большего.

Это место было полной противоположностью. Каждое здание дышало своей историей, казалось уникальным и неповторимым. Здесь не было единого стиля, да он и не был нужен. Современная архитектура сплеталась в единое целое со старыми зданиями, строгое гармонично уживалось с мягким, а тёплые, живые тона соседствовали с холодными. Город не оценивал — он принимал. Он казался мудрым родителем, который понимает тебя без слов и принимает любым, со всеми твоими несовершенствами и метаниями.

— Странно, почему родители ни разу не приехали сюда после переезда, — неожиданно прервала молчание Мелисса, осматривая город. — Такой уютный уголок земли!

Отметив восхищение в её словах, я промолчал, дабы вновь не нарушить её покой, и продолжил наслаждаться местными красотами, пересматривая все, что успел снять за это время: дверь с изящной резьбой, окно с искусной рамой, узорные камни мощёных дорог, отражающие свет фонарей, танец фонтана, приветливых людей, и Мел, увлечённой своей работой, что-то записывающей в блокнот. Видимо в этом мы с ней были похожи. Работа — единственное проверенное средство, которое могло увести нас из реальности в мир фантазий, творчества и красоты.

Мы молча сидели рядом друг с другом, наблюдая за игрой ночи и людей, как вдруг Мел задала вопрос, который застал меня врасплох:

— Почему ты согласился на эту поездку? Надеюсь тебе не нужно убегать от своей жизни в Америке, как мне.

— Наоборот, я пытаюсь поймать ту жизнь, которая могла бы у меня быть, — ответил я, теребя в руках крышку от камеры.

— Думаешь она бы тебе понравилась больше, чем та, что у тебя есть сейчас? — не сдавалась она.

— Не знаю, — пробормотал я, понимая, что, возможно она видит меня насквозь, — а от чего убегаешь ты?

— А у меня такого богатого выбора жизней нет — усмехнулась она, — просто эта жизнь меня не устраивает, — сказав это, она быстро встала и я, повинувшись её стремлению закончить этот разговор по душам, направился следом.

Если честно, я не мог вспомнить, когда в последний раз говорил с кем-то по душам. Такие разговоры были для меня чем-то из разряда фантастики. С мамой это не считалось — её «разговоры по душам» больше напоминали односторонний допрос, где я чувствовал себя подсудимым, а не собеседником. Наверное, единственный человек, с кем я мог расслабиться и быть самим собой, был папа. Но после его смерти мне стало мучительно одиноко. Словно часть меня, та самая, что умела доверять и открываться, умерла вместе с ним. В тот момент мне показалось, что я говорил с человеком, которого знал всю жизнь. Это было удивительно приятно, словно я вновь научился разговаривать. Впервые за долгое время я почувствовал, что мои слова не попадали в пустоту, а находили отклик. Словно я наконец-то встретил того, кто понимал меня без лишних слов, кто видел мир теми же глазами, что и я. Это ощущение было таким редким и драгоценным, что я не мог удержаться от мысли: «Как же мне этого не хватало!» и «Как же я скучаю по отцу!»

Время пролетело незаметно, пока мы шли до отеля, обмениваясь впечатлениями, впитывая историю и культуру ночного Еревана. Вскоре мы добрались до нашего отеля. Первым делом бросилось в глаза уютное оформление внутреннего двора гостиницы, с ухоженными персиковыми садовыми дорожками, декоративными растениями и деревянными скамьями, расположенными вдоль стен. Мягкий свет ламп, мерцавших в глубине сада, подчеркивал гармонию пространства, словно говоря каждому гостю: «Мы вас ждали».

Работники отеля встретили нас сердечно, помогли разместить вещи и проводили в номер с великолепным видом на ночной город. За окном раздвигалась настоящая панорама городской жизни: тысячи окон и фонарей, разбросанные по склонам холмов, складывались в незамысловатый рисунок, создающий атмосферу картины Густава Климта «Поцелуй». Я надеялся, что Мел в это мгновение смотрела на эту же картину, что и я. Приятно было делиться впечатлением с человеком, который умел подмечать красоту. Я был уверен, что она чувствует этот мир также, как и я. Просто передавали мы это по-разному: я через фотографии, она через слова.

Я расставил вещи и на мгновение замер у окна, погружаясь в эту тёплую, удивительно живую атмосферу. Здесь, среди гор, огней и запахов, становилось ясно: путешествие только начиналось, а эта приветливая страна готова была раскрыть перед нами все свои легенды, улочки и традиции, которые станут частью нашего исследования и, возможно, ключом к моим переживаниям.

Мелисса

Спала я отвратительно — всю ночь мучилась бессонницей, размышляя о своей жизни и добровольном выборе партнеров. Сколько раз я доверчиво шла навстречу мужчинам, чтобы вновь столкнуться с болью предательства и разочарования... Но Джона я запомню навсегда — никто ещё не разбивал моё сердце столь беспощадно.

Сердце сжималось острой жалящей болью, когда перед глазами вставал сюжет той последней встречи. Я спокойно зашла в нашу общую квартиру, равнодушно собрала вещи, игнорируя отчаянные попытки Джона удержать меня. Оставила роскошное помолвочное кольцо на тумбочке и ушла, сохраняя достоинство и гордость. Именно так мне и хотелось бы завершить эти отношения, которые сулили так много прекрасного. Или же мне просто хотелось в это верить, поэтому я так долго закрывала глаза на очевидное. Только вот настоящая

встреча выглядела совсем иначе. Я радостная после вечеринки, организованной Ноэлем, дабы отметить попадание нашего издательства в топ пять влиятельных кампаний в литературном мире, направилась домой. Однако услышав воркование знакомых голосов, ворвалась в квартиру, сметая всё на своём пути, пытаюсь услышать голос рассудка среди потока нелепых оправданий Джона вроде: «Да ведь ты почти не бывала дома!» или «Для тебя карьера всегда была важнее любви» и, конечно же, коронная фраза: «Мне просто не хватало тебя и твоей нежности!» Плачущая, разбитая, ошарашенная, я бросила фирменную фразу обиженной женщины: «Теперь ты мне абсолютно безразличен», схватила сменную одежду, косметичку, кинула ему в лицо кольцо и убежала, громко хлопнув дверью, в надежде, что он со своей «просто подругой» оглохнут. Но я лгала самой себе. Он не был безразличен. Я ненавидела его, так же сильно как когда-то слепо любила.

Мечта, ради которой я жила, рассыпалась на мелкие осколки. Воспоминания продолжали резонировать внутри тела судорогами, живот сводило спазмами, желудок выворачивало от напряжения.

Лишь мысль о предстоящей работе с приятным фотографом приносила облегчение — возможность убежать подальше от воспоминаний о Джоне, забыть прошлое хотя бы ненадолго. Впервые я была благодарна судьбе за экстравагантность Ноэля и неожиданную командировку. Жизнь, которой я жила в Америке, замерла до полного исцеления моих ран. Я так устала от таких отношений. Мне больше не нужны были эти игры с бесконечным интригами и манипуляциями. Я хотела стабильных здоровых отношений, в которых царил бы покой.

Размышления вновь вернули меня мысленно к родителям. Сквозь бесконечную боль потери я ощущала острую нехватку их тепла и заботы. Наш семейный очаг, казавшийся ранее убежищем, куда я сбегала залатывать в тёплых объятиях моих ангелов свои сердечные раны стал огромной пещерой одиночества, укутанной густой сетью сожалений и грусти, сотканной из прекраснейших, именно поэтому и невыносимо болезненных моментов прошлого. Сколько времени прошло с тех пор, как я переступила порог родного дома? Могла ли я вообще назвать домом пространство, полное зияющей пустоты?

Эти два года превратились в одно огромное тёмное пятно, преследующее меня повсюду, жадно поглощающее последние крупинки счастья, щедро разбросанные когда-то моими родителями. Их силуэты, нежно сливающиеся воедино, создавали дивную историю любви, которую хотелось перечитывать день ото дня. Это осознание обжигало сердце горькой жалостью: то ли потому, что невозможно было увидеть героев знакомого с детства романа хотя бы на мгновение, то ли потому, что сама я не способна была создать собственную историю любви...

Одиночество стало моим вечным спутником. Теперь я могла признаться себе, что это чувство преследовало меня, даже когда мысленно я примеряла образ жены Джона. Оно было невидимой тенью, моим вторым «я». Единственным верным другом, чьё присутствие не нагнетало, был мой начальник Ноэль. Этот факт заставлял чувствовать себя ещё более ничтожнее, чем когда-либо: насколько должно быть опустошено твоё существование, чтобы единственным близким другом оказался твой босс... Но могло ли сложиться иначе?

Всю жизнь я жила в золотой клетке под крылом родителей. Они оберегали меня от всего и всех: от лживых подружек, от неверных парней, от фальшивых людей. Они сами никого не впускали в свою жизнь, выстроив вокруг нас идеальный, но герметичный мир. Сколько я себя помнила, в нём ничего не менялось: одна и та же работа, один и тот же дом, одни и те же вечера. Мы не путешествовали, не знакомились с новыми людьми, не переезжали. Порой мне казалось, что мы... не жили. Эта мысль была ужасающей, ведь я любила эту жизнь.

У нас была идеальная картина семьи. Мы любили друг друга, но жили в постоянном, необъяснимом страхе. Сколько бы я ни задумывалась о первопричине такого поведения родителей, ответа не находила. Они были настолько скрытны, что даже на их похоронах были я и пара моих знакомых.

Я вспоминала своё детство и сравнивала его с детством других детей. Я никогда не ночевала у подруг — мне это запрещали. Дружить мне тоже не разрешали, считая, что меня могут впутать в плохую компанию. А когда я выросла и поступила в университет, они настояли, чтобы я осталась учиться в Нью-Йорке, лишь бы быть рядом с ними. Я и жила с ними до самого конца. Только после их смерти мы с Джоном съехались. Всё это было так странно. Но ещё страннее было то, что мне этого не хватало. Я хотела запереться с ними в их созданной безопасной пещере, но меня словно насильно вытолкнули в большой пугающий мир. Я была к нему совершенно не приспособлена. Меня не учили жить. Меня учили защищаться от всех и всего.

До сих пор помню, как мы с Джоном впервые посмотрели мультфильм «Семейка Крудс». Сначала это было просто забавно, но потом он сказал фразу, которая будто сорвала пелену с моих глаз: «Твоя реальность мало чем отличается от жизни Эммы». В тот момент я вдруг увидела всё под другим углом. Мои родители были такими же, как отец того семейства. Но если Эмма рвалась навстречу неизведанному, жаждала познать этот огромный, пугающий и прекрасный мир, то я... я хотела лишь одного — сохранить свой маленький, предсказуемый и безопасный мирок.

И вновь я открыла ящик памяти под наименованием 2020 год, запертый на миллионы замков где-то глубоко внутри. Но разум, словно непослушный ребёнок, всё равно тянулся к нему — запретному, манящему, как сладость, которую родители прячут от него. Перед глазами мелькали обрывки прошлого: мама, крики, паника, реанимация, строгий запрет выходить из дома. Эти слова крутились в голове, но я не позволяла себе соединить их в единую картину. Слишком больно. Невыносимо вспоминать то, что привело меня к краю обрыва.

Почему она не сказала, что ей плохо? Почему папа до последнего пытался справиться сам, прежде чем обратиться к врачам? Почему мама оставила нас? И почему он ушёл вслед за ней спустя четыре года? Почему он так просто сдался? Я знала, что он не хотел бороться. Но разве это не эгоистично? Они обещали всегда быть рядом, защищать, а в итоге оставили меня одну.

Боже, какая же я жалкая. Мне уже тридцать, а я всё ещё злюсь на родителей за то, что они умерли, а не остались заботиться обо мне. Глупо. Но разве не прекрасно — чувствовать себя чьим-то любимым ребёнком, даже если тебе за шестьдесят? Быть любимым просто так, за то, что ты есть, без условий и обязательств. Без родителей ты уже никогда не будешь ребёнком и не ощутишь ту безусловную любовь, которую могли подарить только они. Родительская любовь для меня была целой вселенной, где я всегда была в центре. А когда эта вселенная исчезла, я осталась одна в вакууме, теряя все ориентиры.

Джон всегда подмечал, что у меня «нездоровые» отношения с родителями.

— Ты никак не можешь пройти сепарацию, детка, — говорил он.

И был прав. Но меня воспитывали так, что сепарация казалась чем-то страшным, ненужным, почти смертельным. Поэтому, когда их не стало, казалось, что и мне нужно было уйти вслед за ними — жизнь без них пугала. Может поэтому я так цеплялась за отношения с Джоном. Я пыталась отыскать родительскую опору в его лице, а он к такому повороту был не готов.

Но меня предали. Уничтожили. И я не знала, куда себя деть. Всё, что мне оставалось, и всё, что я умела — писать. Это единственное, что всегда помогало удержать мой разум в спокойствии. Поэтому я села за стол у панорамных окон, включила свет и начала писать — до тех пор, пока слова не иссякли.

Мысли не давали мне покоя до самого утра, поэтому оно настигло меня уставшей и подавленной. Я медленно вышла на балкон, жадно всматриваясь в окружающую природу. Передо мной открывался волшебный пейзаж: горы величественно возвышались над городом, словно обернутые зеленым бархатом; небо было окрашено нежными оттенками персикового цвета, сквозь утреннюю дымку проступали яркие полосы алых оттенков; прозрачные пушистые облака кружились вокруг вершин гор, пряча их верхушки, внизу расстилались бескрай-

ние жёлтые поля. Эта красота потрясла меня — словно мир снаружи кричал о гармонии и счастье, тогда как душа моя оставалась погружённой во тьму печали и одиночества. Быстро справившись с нахлынувшими эмоциями, я направилась на завтрак с Сэмом, решив сосредоточиться на деталях нашей работы.

Артур

Вы когда-нибудь задумывались, как один короткий миг может расколоть вашу жизнь на «до» и «после»? Как одна-единственная секунда способна вознести вас на вершину блаженства или швырнуть в бездонную пропасть? Время — это безжалостный тиран, его циферблат бежит вперёд, не замечая наших слёз, не слыша наших отчаянных молитв. Мы умоляем его замедлиться или, хотя бы на миг, повернуть вспять. Но все тщетно. Мы все — пленники этой вечно бегущей стрелки, рабы её холодного ритма. Вся наша судьба подчиняется ее капризам, становясь лишь чередой мгновений, которые она нам отмеряет, безжалостно чередуя пьянящую радость с чёрным, беспросветным горем. Словно в вечном танце дня и ночи, в нашей судьбе господствует неумолимый цикл: за светом всегда следует тьма, а за самой глубокой печалью робко выглядывает луч надежды.

Именно такой переворот произошёл и в моей жизни. Это случилось в один из вечеров, когда солнце уже догорело за горизонтом, оставив после себя лишь багряную дымку. В тот миг, когда я, пересилив страх, признался Розе в своих чувствах, мой мир рухнул и возродился заново. Наше детское, робкое увлечение вспыхнуло вулканом, неподвластным разуму. Это была не просто симпатия, это была стихия. Любовь полыхала так ярко, что скрывать её стало физически больно, словно мы пытались спрятать солнца от небосвода.

Роза и я поняли, что эта молчаливая игра в прятки убивает нас обоих. Нам казалось, что сам Господь улыбается нам с небес, благословляя наши чувства, а значит, ни один человек на земле не имел права становиться у нас на пути. Любовь ведь слепа и глуха к предрассудкам — ей плевать на цвет кожи, на религию или на толщину кошелька. Есть только Он и Она, созданные Им, две половинки, существующие для того, чтобы быть вместе, служа своей любви.

Прозрение пришло внезапно, в день нашей школьной экскурсии к озеру Севан. Всю дорогу Геворг, словно одержимый, говорил о будущем с Сильвой в далёкой Америке. Я слушал его и сгорал от зависти — не к его будущему, а к этой его отчаянной смелости. Он не боялся жить, он просто брал то, что хотел. Он не понимал моих терзаний; для него человек был сам хозяином своей судьбы. И тогда я понял, что должен хотя бы попытаться, ведь выбирал не только я, но и Роза. Это было её правом знать о моих чувствах, и принять или отвергнуть их.

Первое признание произошло в стенах древнего монастыря Севанаванк. Мне показалось, нет места лучше, чтобы открыть сердце. Мы с Розой ходили рядом, делая вид, что внимательно слушаем экскурсовода. А потом мы словно по молчаливому сговору замедлили шаг и отстали от всех. Сердце колотилось, в ушах стоял гул, в горле — ком. Я смотрел на Геворга и Сильву — они держались за руки так естественно, что я решил выключить свой страх. Я закрыл глаза и наугад протянул руку в пустоту, дрожащими от напряжения пальцами, пытаюсь поймать её теплую ладонь. И вот секунда ожидания и наши ладони соприкоснулись. Молния прошла сквозь меня. Наши пальцы сплелись намертво, будто их сковали вместе навечно. Сердце выпрыгивало из груди, но это было самое естественное чувство на свете. Будто мы были двумя осколками одного целого, которые наконец-то нашли друг друга.

В тот же день я достал помятый листок бумаги и ручку. Дрожащей рукой вывел: «Я обещаю любить тебя вечно!». А Роза, заглянув через плечо, улыбнулась своей светлой улыбкой и добавила внизу: «Я обещаю помнить об этом!». Этот клочок бумаги стал нашим официальным заявлением миру о начале отношений. Мы аккуратно сложили его и положили в маленькую металлическую коробку от жевательных конфет, которые привез из-за границы отец Розы.

Затем пока все осматривали внешний облик монастыря, мы руками выкопали небольшую яму рядом с ним, положили туда коробку и с довольным лицом закопали.

С этого дня мы стали парой. Наша жизнь превратилась в шпионский роман: тайные встречи в самых укромных уголках города, поцелуи украдкой в тени разрушенных храмов, где лианы оплетали древние камни так же крепко, как мы держались друг за друга. Мы шептали друг другу обещания о светлом завтра, и мир вокруг переставал существовать.

Но этот мир был жесток. Он не терпит тех, кто пытается быть счастливым вопреки его правилам.

Наша хрупкая идиллия разлетелась вдребезги под напором отцовского гнева. Узнав о наших тайных встречах, он пришёл в ярость. В его мире честь семьи была превыше всего, даже выше счастья собственной дочери. Не прошло и нескольких дней, как он уже подобрал ей «достойную» партию — Роберта, сына директора ереванского автомобильного завода ЕрАЗ и, по совместительству, сына своего лучшего друга детства.

Начался ад. Нам запретили видеться. Роберт же стал периодически навещать в Кировакан для «знакомства». Роза возвращалась после этих встреч бледная как смерть, с потухшими глазами. Видеть её такой было больнее любой пытки. Ночами я прокрадывался к её дому и часами стоял под окном в густой тени деревьев, глядя на неё через окно. Мы не могли говорить громко — только шёпот через стекло мог соединить нас через эту непреодолимую стену отчуждения и страха. Слёзы текли по нашим лицам — это были слёзы бессилия и прощания с нашей мечтой.

Единственным нашим спасательным кругом в этом море отчаяния была Сильва. Она рисковала ради нас попасть под удар родительского гнева, передавая записки у них под носом.

Эта боль была невыносима. Она выжигала всё внутри, оставляя лишь пустоту и отчаянное желание всё исправить любой ценой. Решение пришло само собой — безумное, отчаянное решение, которое разрушило привычный ход вещей и навсегда изменило наши судьбы.

И даже спустя годы я просыпался в холодном поту с одним и тем же вопросом: а что было бы, если бы мы поступили иначе?

Глава 3

Сэмюэль

Я сидел в ресторане при отеле, глядя в одну точку, и безуспешно пытался успокоить мысли, которые метались внутри, как запертые птицы, требующие освобождения. Ночь в новом месте не принесла с собой сна — она лишь растянулась в длинную череду воспоминаний, где вновь и вновь звучал разговор с матерью. Её слёзы, её голос, в котором смешались страх, усталость и странное облегчение, когда она наконец призналась в том, что столько лет скрывала ... Всё это не отпускало.

Я не знал деталей её истории, но воображение услужливо заполняло пустоты. Оно рисовало десятки, сотни вариантов развития событий — и почти каждый был хуже предыдущего. Я пытался представить своего настоящего отца, но все образы рассыпались, не успев обрести форму. В этих попытках не было правды — только пустота, замаскированная под догадки. И чем больше я думал, тем яснее понимал, эта тайна бурила во мне глубокий колодец, который опустошался с каждой новой версией произошедшего. Однако настоящее напряжение накрыло в тот момент, когда я возвращался к нашему последнему разговору с отцом.

Четыре месяца назад. Наш уютный двор, окруженный алыми розами, стремящимися лепестками дотянуться до лазурно-малинового неба. Теплый ветер, холодное пиво в руках и закат, медленно растворяющий этот день. И лучшее, что у нас было — тишина. Нам не нужно было заполнять её разговорами, не нужно было искать поводов для близости. Я просто сидел рядом с отцом — и этого было достаточно. Сейчас я понимал: в этом и заключалась настоящая любовь. Мне казалось, чем больше мы пытаемся показать свою любовь, тем меньше любим. Ведь любовь — дело интимное, она не нуждается в публичке, она нуждается в единении через уединения. Жаль, что Элиза считала иначе. Иногда мне казалось, что её подписчики в социальных сетях знали о нашей жизни больше, чем я сам. Любовь, выложенная напоказ, теряла глубину, становилась чем-то вроде спектакля, где важнее реакция зрителей, чем чувства актёров. Да и могут ли быть чувства актёров подлинными, если они пытаются поместить свои чувства в идеальную картину, помещенную в заранее спланированный сюжет, основная цель которого — восхищать прохожих, а не жить несовершенную жизнь, не требующую оценок?

— Пап, — сказал я тогда, — я тут подумал... Наверное, пора сделать Элизе предложение. Всё-таки семь лет вместе. Все давно этого ожидают.

Он сделал глоток пива, не спеша, как будто пытаюсь осмыслить сказанное мной, затем посмотрел с лёгкой улыбкой и спокойно произнес:

— В твоём предложении меня смущает всё. Во-первых, что значит «пора»? У любви есть сроки? Я сделал предложение твоей маме через два месяца после знакомства. А поженились мы... когда? Лет десять назад? — он усмехнулся. — И кто эти «все», которые ждут? Прямо вижу: не спят, не едят — всё ждут вашей фотографии с подписью «I said yes».

— Ты не одобряешь мой выбор? — в замешательстве произнёс я.

— Дело не в этом, — мягко ответил он. — Дело в том, что ты сам его не одобряешь.

Я отвёл взгляд, понимая, что отец видел меня насквозь.

— Она ждёт этого. Нечестно же... расставаться просто потому, что чувства уже не те.

Он посмотрел на меня внимательно — так, как смотрят, когда не хотят ранить, но не могут солгать.

— А честно лишать её шанса быть с человеком, который действительно её полюбит? Я женился на твоей маме не потому, что «так правильно» или «ожидаемо». Я просто не мог без неё жить. Понимаешь разницу?

Я кивнул, хотя внутри всё сжималось, ведь я понятия не имел какого это.

— Понимаю. Но как мне быть?

— Отпусти её, — тихо сказал он. — Освободи место для любви. И в своей жизни, и в ее.

— Ты как всегда прав, старик. Сурово... но честно. Ты вообще когда-нибудь врешь? Бедная мама — с тобой, наверное, не просто. Женщины ведь любят ушами, а у тебя слова иногда острее ножа, — сказал я, рассыпаясь в смехе, пока не заметил, как его лицо изменилось. Взгляд потемнел, губы сжались, и в этой внезапной тишине я впервые увидел его... растерянным.

— Пап... я же шучу, — сказал я, хлопнув его по плечу.

Он продолжил, не глядя на меня.

— Сэм... мне нужно тебе кое-что рассказать. Я очень старался быть тебе хорошим отцом и другом...

— Ты и был им, — перебил я, не понимая, к чему всё это.

Он медленно поднял руку, жестом прося не перебивать его. Я видел, как тяжело ему давался этот разговор, от чего мне хотелось сбежать, стереть из памяти это угнетающее выражение его лица, но я не мог поступить так с ним, поэтому, вцепившись в ручки стула, продолжал слушать.

— Я надеюсь... Помнишь, ты в детстве спрашивал, почему у нас нет совместных фотографий до двух лет?

— Помню. Вы говорили случился пожар, и все альбомы превратились в пепел.

— Пожара не было, — он сделал паузу и вновь посмотрел на меня извиняющимся взглядом, — мы познакомились с твоей мамой, когда тебе было около двух лет.

Земля под ногами ушла. Сердце упало в пятки, мне стало сложнее дышать, словно весь воздух из лёгких выкачали и поселили меня в вакуум.

— Что... что ты говоришь?

В голове промелькнула мысль: может это его болезнь. Но нет. Его голос был слишком уверенным. Да и рак желудка не мог влиять на ясность его ума.

— Это ничего не меняет в моих чувствах, — продолжил он. — Я люблю тебя как сына. Но я не могу больше скрывать правду.

Я пытался ущипнуть себя со всей силы, дабы проснуться, но это было явью. И страшнее любого кошмара, который мог бы мне присниться. Я так сильно любил отца, так гордился быть частью его жизни. Он был моим идеалом, к которому я стремился, — недостижимой вершиной, на которую хотелось равняться. Но в тот момент, когда он сделал своё признание, что-то внутри меня надломилось. Если я не был его сыном, значит, я стал... неопределённостью. И эта мысль жгла меня изнутри, вызывая глухую, бессильную злость, которая потом отравляла всё вокруг. Так и началось моё странствование под названием "Помогите понять, что я за зверь!"

Но в тот момент, собравшись с мыслями, я смог лишь выдавить из себя одну простую фразу, способную изменить всю мою жизнь.

— Тогда... кто мой отец?

Вдруг послышался нежный голос, пытающийся вернуть меня в реальность.

— Сэм... ты здесь?

Я поднял голову. Передо мной стояла Мел. Она опоздала примерно на час, но сейчас это даже сыграло мне на руку — у меня было время хоть немного собрать себя. Внешне она держалась спокойно, почти деловито, но в глазах читалась усталость.

— Готова к нашему первому приключению? — спросил я, стараясь утихомирить внутреннее смятение.

— Посмотрим, куда нас приведёт Ноэль, — улыбнулась в ответ она. — Он говорил, что у нас будет сопровождающий.

В этот момент во двор заехал черный минивэн, из которого вышел мужчина лет шестидесяти, с идеально уложенными седыми волосами, с аккуратными чертами лица, густыми усами, в клетчатой синей рубашке и черных классических брюках. Большие черные очки закрыли глаза, но добродушная улыбка озаряло все его лицо. Он направлялся прямо к нам.

— Мелисса джан! — воскликнул он, раскрыв свои большие руки для объятий. — Как же я рад тебя видеть!

Мел буквально расцвела.

— Дядя Давид! Это вы? — она обняла его с искренней теплотой.

— Конечно я. Ноэль не мог доверить такую миссию кому попало. Я ведь, как ты знаешь, экскурсовод, причем один из самых лучших, — сказав это, он саркастично поправил свои усы.

Затем он повернулся ко мне. Его взгляд на секунду задержался. Он смотрел прямо в глаза, пытаясь отыскать во мне что-то знакомое. На мгновение мне показалось, что ему захотелось обнять меня, но не в моих правилах было проявлять такую открытость к посторонним людям. Видимо, почувствовав это, он лишь протянул мне руку.

— А вы, значит, Самвел. Фотограф, — сказал он так, будто готовясь к нашей встрече, изучил всю мою родословную. — Мне довелось ознакомиться с несколькими вашими работами, и они произвели сильное впечатление. Очевидно, искусство чувствовать так тонко этот мир передалось вам от кого-то по наследству, — сказал он и похлопал меня по спине. — А теперь друзья мои в путь.

— Только он, Сэмюэль, дядя Давид, — пыталась тактично вставить замечание Мел.

— Я знаю, дорогая. Но я перевёл на армянский. Ты же не против, если я буду называть тебя Самвелом, сынок, — спросил он, расплываясь в улыбке.

— Конечно, я не против, — ответил я, взглядом поблагодарив Мел за ее внимательность по отношению ко мне.

— Ну что ж, поехали, — бодро сказал он. — Начнём с одного особенного места.

*

Нашей отправной точкой было Колесо обозрения в Ереване. Мы доехали до него буквально за десять минут. Я ожидал увидеть нечто более впечатляющее, и сперва это меня расстроило. Заметив это, дядя Давид отметил:

— Ты поменяешь свое мнение, когда окажешься внутри, сынок.

Перед нами предстало огромное белое колесо обозрения, оснащённое комфортабельными кабинками с коричневым остеклением. Их современный дизайн существенно отличался от прежнего облика аттракциона, когда кабины имели разные цвета, включая желтый, зелёный и красный. Точнее старое колесо обозрение было рядом с новым. Но мы решили прокатиться на большом новом аттракционе, чтобы лицезреть город в полном объеме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.